

ШАХИНЯ

Страсти при дворе
Елизаветы Петровны

Леопольд фон Захер-Мазох

Леопольд фон Захер-Мазох
Дочь Петра Великого
Серия «Шахиня», книга 1

Текст предоставлен Институтом соитологии
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166607
Л.фон Захер-Мазох Шахиня.: Институт соитологии; Москва; 2005
ISBN 5-9637-0029-9

Аннотация

Роман скандально известного австрийского писателя Леопольда фон Захер-Мазоха посвящен эпохе императрицы Елизаветы Петровны. Перед читателями предстают эпизоды интимной жизни взбалмошной монархини, картины дворцовых интриг, казни, истязания, любовь...

Содержание

1	4
2	11
3	16
4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Леопольд фон Захер-Мазох

Дочь Петра Великого

1

Ледяной дворец

Зима тысяча семьсот тридцать девятого года в Санкт-Петербурге выдалась необычайно ранняя, лютая стужа, какой не припоминали даже старожилы, сковала все живое. Птицы, замерзая на лету, падали на землю, часовых наутро находили окоченевшими, по ночам никто не решался в одиночку выходить из дому. Небывалой толщины лед на Неве предоставил охочему до затей любимцу царицы Анны¹, герцогу Бирону², желанный случай явить миру никогда прежде не виданное зрелище.

На искрящейся тверди Невы он велел возвести ледяной дворец, будто перенесенный сюда из восточных сказок. Под руководством камергера Татищева³ в начале ноября принялись за строительство, и поразительное здание уже достигло значительной высоты, когда под его тяжестью замерзший покров реки начал проседать. Это поспешили приписать внезапно наступившей на несколько дней оттепели.

По распоряжению Бирона в декабре строительство было возобновлено, на сей раз на суше, — между возведенным еще Петром Великим фортом Адмиралтейства⁴ и нынешним Зимним дворцом⁵, — и за первую половину января тысяча семьсот сорокового года полностью завершено.

Из невского льда вырубались нужного размера прямоугольные параллелепипеды и по всем правилам зодчества подгонялись друг к другу, при этом вместо строительного раствора использовалась речная вода, которая тотчас же замерзала и накрепко спаивала необычные строительные элементы. Длина ледяного дворца составила пятьдесят два фута⁶, ширина шестнадцать, а высота двадцать. Кровля, также сделанная из льда, легла на возведенные стены, которые, впрочем, без труда ее выдержали.

Вечером двадцать первого января тысяча семьсот сорокового года близ монастырской ограды Александро-Невской лавры сидел пожилой крестьянин в грязном, выдавшем виды овчинном тулупе, надетом прямо поверх рубахи, в прохудившихся сапогах, едва спасавших от стужи ноги, обмотанные дырявыми суконными онучами, и бормотал молитвы, больше походившие на проклятия, ибо он при этом тяжело вздыхал, бил себя кулаком в грудь и время от времени в нетерпении громко зывал к небу, что там наверху-де его мольбы никто не хотел услышать.

К нему подошел солдат гвардии Преображенского полка и хлопнув его по плечу, спросил:

— Ну, чего приуныл, батюшка? Что там у тебя не складывается?

¹ Анна Ивановна (1693–1740) — российская императрица с 1730 г., племянница Петра I, герцогиня Курляндская с 1710 г. Возведена на престол Верховным тайным советом. Фактическим правителем при ней, по мнению ряда историков, был Э. И. Бирон.

² Бирон Эрнст Иоганнович (1690–1772) — граф, фаворит Анны Ивановны, герцог Курляндский (с 1737)

³ Татищев Василий Никитич (1686–1750) — государственный деятель и историк. В 1720–1722 и 1734–1737 гг. управлял казенными заводами на Урале. В 1741–1745 гг. астраханский губернатор.

⁴ Форт Адмиралтейства был заложен в 1704 г.

⁵ Зимний дворец построен архитектором В. В. Растрелли в 1754–1762 гг.)

⁶ Фут — мера длины, в разных системах колебавшаяся от 25 до 42,95 см. Русский фут равнялся 30,48 см.

– Ах, не хотят меня больше носить мои ноги, господин солдат, – ответил мужик, – я вот притащился в город, чтобы поглядеть на чудо-дом, который немцы построили, как скажут, из чистой воды! Бедовые парни, эти немцы-то, н-да... Однако мне, похоже, придется жизнью поплатиться за свое любопытство, отморозил я, брат, совсем свои старые ноги на лютом морозе, какого люди давненько уж не припомнят; с места теперича не могу сдвинуться.

– Давай-ка вместе попробуем, батюшка.

Гвардеец поднял старца на ноги и помог ему пройти несколько шагов, после чего полукоченевший мужичонка снова принялся жалобно причитать.

– Ничегошеньки не выходит, совсем оставил меня святой Николай, можно подумать, что иноверные святые на небесах оттеснили наших православных святых, как иноземцы потеснили нас, русских, здесь, на нашей собственной земле. Худые времена настали-то, господин солдат.

– Погоди горевать, старик, – сказал гвардеец, – мы сейчас заберемся с тобой на чьи-нибудь сани, их тут под звон бубенцов ишь сколько мимо проносятся.

– Да кто ж нас, голубчик, возьмет-то, – пробормотал старик недоверчиво, – чай, не этот же с большой звездой, который вон там, гляди, катит?

В неприязнительных санях сидел человек с мрачным каменным лицом, он был закутан в толстую шинель, из-под которой как бы невзначай сверкала орденская звезда.

Солдат стал во фронт и отдал честь; когда мрачный человек проехал, он негромко сказал:

– От него, конечно, доброго слова не дождешься, это один из тех чужаков, которые нас так жестоко притесняют с тех пор, как не стало нашего великого царя Петра. Это был министр граф Остерман⁷, правая рука императрицы и герцога.

– Вот видишь, – вздохнул старик, – для нашего брата нет ни саней, ни подмоги. Однако что там сверкает вдаль? Должно быть, сама царица?

– Да это же великая княжна Елизавета Петровна⁸, – воскликнул солдат, поглядев в ту сторону, – я ее вороных за версту узнаю, теперь нам, кажется, повезло, она нас прихватит.

– Великая княжна, ну ты придумал?! Разве что кнутом угостит, – промолвил крестьянин, – однако как красиво она сидит в санках-то, чисто ангел.

– В ней и добра столько же, сколько красоты, – ответил гвардеец, – настоящая русская женщина, в ней нет ничего чужеземного, воистину достойная дочь Петра Великого, сердечно расположенная к нам, простому народу, ну, батюшка, ты сейчас глаза выпучишь от изумления.

Служивый уже издали принялся махать княжеской упряжке, словно на крыльях подлетающей по снежному насту все ближе.

– Пресвятая Богородица, чем это кончится! – воскликнул крестьянин, перекрестившись.

Черные украинские кони фыркали уже совсем рядом; в роскошных санях, формой напоминавших лебедя, на бурых медвежьих шкурах, с головы до ног облаченная в белоснежный дорогой горностай, восседала молодая красивая дама, с виду чуть более двадцати лет от

⁷ Остерман Андрей Иванович (1689–1747) – русский государственный деятель, дипломат, граф (1730); по происхождению вестфалец, на русской службе с 1703 г. Член Верховного тайного совета. Фактический руководитель внутренней и внешней политики России. В 1741 г. сослан императрицей Елизаветой в Березов.

⁸ Елизавета Петровна (1709–1761/62) – дочь Петра I, российская императрица с 1741 г. Возведена на престол гвардией. В ее царствование были достигнуты значительные успехи в развитии хозяйства, культуры России и во внешней политике, чему способствовала деятельность М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, П. И. и И. И. Шуваловых, А. Г. Разумовского, братьев Воронцовых, А. П. Бестужева-Рюмина и др.

роду, ее гордую головку украшала казацкая шапка из горностая, из-под которой выбивались напудренные добела локоны.

– Останови! – крикнула она симпатичному крепкому мужчине в мундире Преображенского гвардейца, сидевшему впереди нее, и тот на полном скаку, натянув поводья, с трудом осадил разгоряченных рысаков.

– Чего вам? – закричал он стоявшей у обочины паре.

– Да здесь вот старый полузамерзший человек, Елизавета Петровна, – крикнул солдат. – Сжальтесь, матушка, и дозвольте нам постоять на запятках.

– Устраивайтесь, – ответила великая княжна с доброй улыбкой, которой давно уже завоевала сердца народа.

– Господь тебе воздаст, – воскликнул мужик, с помощью солдата, вставшего рядом с ним, забравшись сзади на сани принцессы, которые в следующее мгновение снова рванули с места и стрелой полетели дальше.

Группа солдат расквартированного в Петербурге гвардейского полка со стороны наблюдала за необычной сценой и теперь громким криком приветствовала цесаревну.

– Вот такой должна бы быть царица, чтобы нами править, – произнес затем седой капрал, провожая ее взглядом, – с ней к нам бы вернулись времена Петра Великого, старые добрые времена, когда русский человек еще чувствовал себя хозяином в собственном доме.

– Но ведь сам же Петр сначала и привел в страну этих чужеземцев, – заметил другой солдат.

– Правильно, – вступил в разговор третий, – но он сделал это для того, чтобы мы извлекали пользу из их искусств и наук, научались у них, а не для того, чтобы они нами правили и притесняли нас, эти голодранцы, которые у себя дома куска хлеба добыть не могут, а здесь, у нас, поди ж ты, едят сладкие пироги. Разве великий царь не собственноручно построил первую шхуну, в качестве примера для нас, русских? Это знак того, что он уважал в иноземцах только то, что достойно было в них уважения, и равнялся на них там, где это было полезно, но он ни одному из них не позволил себя превзойти, ни голландцу, ни французу, ни, скажем, немцу. Нынче же все они, точно ненасытное воронье слетелись. Помогите нам, Господи!

– Это не Шубин правил лошадьми великой княжны? – спросил седой капрал.

– Да, то был Шубин, – в один голос откликнулось несколько его товарищей.

– Подвалило ему счастье, прохвосту, – засмеялся симпатичный барабанщик, – великая княжна назначила его своим казначеем, а если верить тому, что бают люди...

– То он ее любимец, – подхватил капрал, – и что в том дурного, коли они не дают ей мужа, те, что при дворе, из страха, понимая, что тогда она могла бы что-нибудь предпринять против них, поскольку она обладает преимущественным правом на трон. Разве такая женщина, созданная для владычества и любви, должна прогоревать весь свой век? По крайней мере, она выбрала себе не какого-нибудь курляндского конюха, как императрица Анна, а русского, да к тому же из наших рядов.

Пока солдаты таким немудреным образом расточали свои похвалы великой княжне Елизавете, ее сани уже приблизились к Адмиралтейству и остановились перед ледяным дворцом.

Гибкая и величавая молодая красивая женщина, выпроставшись из темных медвежьих шкур, прыгнула на снег и пока ее провожатый передавал поводья лошадей одному из стоявших рядом солдат, чтобы следовать за ней, она подошла к сказочному строению, перед которым в восхищении замерла.

Оно было уже полностью готово и теперь являло собой образец гармоничной красоты и утонченности вкуса. Каждый из ледяных параллелепипедов был не только обтесан по всем правилам, но и декорирован орнаментом. Окна и дверь были оформлены в античном стиле,

над дверью празднично сверкал роскошный фронтон с наглядными примерами возвышенного ваяния и статуями из льда. В обе стороны от него расходилась галерея, окаймлявшая крышу, четырехгранные пилоны и выточенные на токарном станке стойки которой были из того же необычного материала.

Перила из ледяных стержней и четырехгранные промежуточные опоры, все без исключения выделанные с поразительной правильностью, окольцовывали весь дворец. По обе стороны от входа лежали два ледяных дельфина, подобно огненной воде извергавшие из широко раскрытых глоток струи пылающей нефти и тем самым придававшие всему хрустально-прозрачному зданию ощущение прямо-таки фантастического видения. На одной линии со входом перед перилами стояло шесть пушек и две мортиры: первые – размером с шестифунтовый оригинал, вторые – не уступали восемнадцатифунтовому бомбометательному оружию, кроме того, стволы, лафеты и колеса, – и все это было изготовлено из льда.

В то время как Елизавета с почти детским восторгом обращала внимание своего спутника, сержанта Шубина, на каждую из деталей ледяного дворца, к ней неожиданно подошел высокий, ладно сложенный мужчина с красивыми и властными чертами лица. Он был одет в дорогой полушубок из зеленого бархата, подбитый и щедро отороченный собольим мехом, на обтянутых узкими белыми панталонами ногах его были высокие черные сапоги. Мужчина снял с головы треуголку, украшенную белым пушистым пером, и, низко опустив ее, с грациозной почтительностью поклонился.

– Какая приятная неожиданность, – заговорил он на прекрасном немецком, – наше многосложное творение не могло бы быть вознаграждено более блестящим образом, чем освящение его взором прекраснейшей принцессы. Вы первая дама, ваше императорское высочество, которая оказывает мне честь посещением этой завершенной чудесной постройки. Однако нет ли у вас желания проследовать со мной внутрь?

– Весьма охотно, дорогой герцог, – ответила великая княжна нежным мелодичным голосом, чудесный звук которого облагораживал каждую человеческую душу. Она без лишних церемоний приняла руку Бирона, – ибо это был всесильный и обычно такой надменный фаворит императрицы Анны – теперь столь любезно и предупредительно протянутую ей, и пошла с ним вверх по наружной лестнице ледяного дворца. Герцог, который, как и все другие, не мог устоять перед ее чарами, обходительно давал пояснения. Они вместе вступили в небольшой вестибюль, на каждой стороне которого располагались парадные комнаты, обустроенные самым тщательным образом, отсутствовал только потолок, и над головой видна была крыша, сквозь которую, заливая внутреннее пространство, падал магический голубой свет луны.

Прежде всего герцог обратил внимание принцессы на окна, застекленные тончайшими ледяными пластинками, прозрачными как самое качественное стекло. Сотни свечей горели в ледяных люстрах и канделябрах, стоявших перед гигантскими стенными зеркалами, затопляя ярким светом все помещение. Вся богатая обстановка – столы с часами и подсвечниками, диваны, табуреты, стулья и шкафы, сервант с прелестным сервизом, бокалами и чайной посудой, все было изготовлено из льда и искусно расписано в живые цвета, подобно севрскому фарфору.

Больше всего Елизавета изумилась камину, в котором ледяные дрова, покрытые нефтью, казались горевшими, а также замечательной кровати с балдахином, ажурные ледяные занавеси которой не уступали брюссельским кружевам.

– Здесь так уютно, – проговорила она, – что даже самая изнеженная дама могла бы здесь с удовольствием поселиться, только вот спать здесь, похоже, было бы несколько холодно.

– О, я убежден, – быстро возразил Бирон свойственным той эпохе фривольным тоном, – что я бы, например, не замерз, если бы вы, принцесса, пожелали разделить со мной это ложе, бог Амур уж позаботился бы о том, чтобы пламя любви ни на минуту не угасало.

Елизавета улыбнулась, ибо ее тщеславию льстил любой знак внимания, даже такого прямолинейного.

Покинув ледяной дворец, Бирон повел ее теперь к ледяным пирамидам, возвышавшимся перед фасадом. В нишах этих пирамид были установлены разрисованные причудливыми фигурами светящиеся фонарики, к тому же медленно вращающиеся. Между пирамидами и сооружениями были расставлены цветочные горшки с экзотическими растениями и апельсиновыми деревьями из льда, а также несколько елей, на ветвях которых сидели ледяные птицы, в сиянии яркой подсветки казавшиеся выточенными из больших алмазов. Справа от дворца великая княжна увидела огромного белого слона, на его спине восседал перс. Днем гигантский зверь брызгал из хобота струей воды, а ночью, подобно дельфинам, горящей нефтью. Слева была возведена из льда настоящая русская баня, которую можно было даже топить.

К Бирону подошел гвардейский офицер и сообщил ему что-то такое, чем герцог остался явно доволен.

– Вы появились здесь очень вовремя, великая княжна, – обратился к Елизавете герцог, – чтобы поприсутствовать на зрелище, которое станет единственным в своем роде, как и этот дворец, к которому оно имеет непосредственное отношение. Ибо для окончательного его оформления мне требуется несколько изваяний в античном вкусе, а поскольку все попытки высечь их из льда не увенчались успехом, я пришел к мысли использовать для этой цели соучастников раскрытого, как вы знаете, несколько дней назад заговора, который был направлен против меня.

– Как это?

– Очень просто, – с дьявольской улыбкой ответил Бирон. – Я раздену этих знатных патриотов, злейших моих врагов, с министром Волинским⁹ во главе, и, поливая водой, так долго велю держать их неподвижно в тех позах, какие художники придали античным творениям, пока все они не превратятся в ледяные статуи.

– Но это же чудовищно, – пробормотала княжна. – Не лучше ли вам приказать прежде убить несчастных?

– О нет, прекрасная принцесса, – возразил Бирон, – в таком случае фигуры утратят необходимые, согласно законам красоты, гибкость и округлость форм; и стало быть, я велю обливать их живыми, а еще затем, чтобы позабавиться, глядя на ужас и смертельный страх своих противников.

– Вы очень жестоки, герцог, – едва слышно выдохнула Елизавета, которую бросило в дрожь от задумки жаждущего мести тирана.

– Разумеется, – воскликнул Бирон, – и мне остается только удивляться, что и вы не такая. Жестокость и сладострастие, как утверждают ученые, одного поля ягоды, и такая красивая женщина, как вы, просто созданная внушать любовь до ее высшего восторга и наслаждаться этим, должна была бы – я в этом уверен – и в жестокостях превосходить всех других женщин.

– Не знаю, – опустив глаза вниз и на мгновение погрузившись в себя, промолвила Елизавета, – возможно, на дне моей души действительно до поры до времени дремлет что-то такое, что в один прекрасный день, должно быть, поразит и меня саму, и весь мир; но пока

⁹ Волинский Артемий Петрович (1689–1740) – русский государственный деятель и дипломат. В 1719–1730 гг. астраханский и казанский губернатор, с 1738 г. кабинет-министр императрицы Анны Ивановны. Известен сумасбродными затеями на потеху двора. Казнен за участие в заговоре.

у меня нет желания присутствовать на этом жутком зрелище. Кровь у меня самой, думаю, застынет в жилах, если я увижу, как в такую лютую стужу живых людей обливают водой.

– Ой, не скажите! – засмеялся Бирон. – Когда сам человек, вот как мы с вами, закутан в дорогой теплый мех, он может совершенно спокойно наблюдать за этим.

– Нет, нет, – воскликнула великая княжна, протягивая ему руку, к которой он, с почти-тельностью и нежностью одновременно, приложился губами. Она торопливо уселась в сани и окликнула Шубина, который совсем не прочь был бы поприсутствовать на оригинальной экзекуции приговоренных к смертной казни заговорщиков. Он недовольно пожал плечами и сказал, что с отъездом можно б повременить.

– Нет, Шубин, поехали, – воскликнула Елизавета, – потому что я не желаю смотреть, как людей, да к тому же русских, так безжалостно истязают лишь за то, что они слишком сильно любят свое отечество.

– А я хочу все это видеть, – ответил сержант с циничной улыбкой, – такое не каждый день можно посмотреть.

– Я тебе приказываю немедленно занять свое место, – гневно сказала Елизавета, – мы едем.

– Мы не поедem, – сухо обронил Шубин.

– Ты что, малый, не слышишь, – обратился в этот момент к наглецу маленький бойкий человек, одетый хотя и просто, но по последней парижской моде. – Поторопись!

– Я здесь ничьих, кроме своей госпожи, приказов не исполняю, – дерзко заявил в ответ Шубин.

– Тогда повинуйся ей.

– Когда мне будет угодно, – отрезал сержант.

– Дорогой Лесток, – обратилась Елизавета к человеку, который отчитывал Шубина, – поехали со мной.

– Я не решусь, – сказал Лесток, лейб-медик великой княжны, маленький болтливый француз, умный и очень подвижный, – мы, чего доброго, оба сломаем шею.

– Тогда я поеду одна, – воскликнула Елизавета, сама схватила поводья и взмахнула плетью.

Жертвы герцога, раздетые донага, уже стояли перед фасадом дворца и в ожидании своей страшной участи, дрожа от холода и смертельного страха, были вынуждены под ударами прикладов принимать самые грациозные позы. Елизавета еще успела увидеть, как на них начали литься потоки воды, она услышала их страдальческий вой и посылаемые ими проклятия и увидела Бирона в роскошной шубе, который, злобно улыбаясь, стоял рядом и подгонял палачей. Затем она хлестнула лошадей и унеслась на санях прочь. Огромная толпа народа собралась вокруг и, затаив дыхание, застыла в зловещем оцепенении, то в одном, то в другом конце раздавались вздохи, а там, где поблизости не было ищек тирана, слышался ропот.

– Их убивают за то, что они хотели освободить нас от засилия чужеземцев, – сказал один гвардеец другому, – а мы стоим здесь и глазеем на их мучения.

– Что же мы можем сделать? – вздохнул второй.

– По крайней мере, повернуться спиной к этим палачам, как поступила великая княжна; она не пожелала смотреть, как благородных патриотов умерщвляют таким дьявольским способом, – сказал третий. – Давайте тоже уйдем.

– Это все хваленые европейцы, – снова заговорил первый солдат, – которые, вроде, должны нести нам образование и способствовать подъему. А я до сего времени видел их изобретательными только по части мучений и жестокого обращения; до тех пор как правит эта слабая безвольная императрица или, точнее говоря, вознесенный ею из конюхов в гер-

цогги любимчик Бирон и с ним его ставленники, – этот Остерман, этот Миних¹⁰, – мы будем видеть только, как кровь, бесконечная кровь, льется на священную землю России. Те, кто из старой родовой знати не были истреблены, томятся сейчас в Сибири, и напрасно царица уже не раз на коленях умоляла герцога пощадить хотя бы ее друзей. Ее слезы ничего не смогли изменить. И, стало быть, правление этой слабой женщины оказывается гораздо кровавее и пагубнее, чем правление самого грозного тирана.

– Но разве не она стяжала нам также и славу, – воскликнул второй солдат, – разве мы не одержали победы над турками, вызвав восхищение во всем мире?

– Но какую пользу они принесли нам! – согласился первый. Добрая царица Анна хотела пойти по стопам великого царя Петра и продолжить его триумфы. Мы выиграли славные битвы, но сколько потеряли земель, но лишились вдобавок еще и персидских провинций, добытых для России царем Петром¹¹. Скверные времена! Скверные времена! И никакой надежды на будущее.

– Это почему?

– Да потому что, после смерти императрицы, чего следует ожидать при ее подагре, нами опять будут править чужеземцы.

– Кто, например?

– Герцог Брауншвейгский¹² и его супруга, как поговаривают.

– Ну, это мы еще посмотрим, в нас пока жив дух Петра Великого, и, может быть, еще наступит тот час, когда он совершит чудо, которое избавит нас от этой напасти.

– Какое-то чудо непременно должно случиться, – промолвил старый гвардеец, – потому что при таких обстоятельствах, как сейчас, ни на что хорошее надеяться не приходится. Я знаю только одну личность, которая могла бы спасти нас.

– И кто же это?

– Великая княжна Елизавета, дочь Петра Великого.

Раскаты дикого хохота раздались в этот момент. Жестокое творение Бирона было завершено. Ледяные статуи были установлены и с явным удовлетворением осмотрены своенравным деспотом. Затем в своих роскошных санях он отбыл к императрице.

Ледяной дворец теперь был достроен во всех деталях.

¹⁰ Миних (Мюнних) Христофор Антонович (1683–1767) – граф, русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1732); по происхождению ольденбуржец, с 1721 г. на русской службе. При императрице Анне Ивановне президент Военной коллегии, командовал русской армией в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. В 1742 г. сослан Елизаветой Петровной, возвращен из ссылки в 1762 г.

¹¹ Русско-турецкая война 1735–1739 гг. велась Россией, в союзе с Австрией, за выход к Черному морю и для пресечения набегов крымских татар. Русские войска под командованием Миниха взяли Азов, Очаков, Хотин, Яссы, дважды занимали Крым. Окончилась Белградским миром 1739 г., по которому за Россией оставался только Азов.

¹² Герцог Брауншвейгский – Антон Ульрих принц (герцог) Брауншвейг-Люнебургский (Брауншвейг-Вольфенбюттельский) (1714–1776).

2

Две княжны и гренадер

На следующее утро Лесток, лейб-медик великой княжны Елизаветы, застал ее в слезах. Она успела уже завершить весь туалет, и оттого вид этой повелительной особы, по-царски одетой в шелка и бархат и буквально усыпанной бриллиантами, производил весьма комичное впечатление – она сидела надув губки и горько плакала, словно ребенок, каприз которого не желают исполнять.

– Что с вами случилось? – спросил маленький француз своим пронзительным голосом. – Ведь ваше императорское высочество знает, что я настрого запретил вам всякие волнения.

– А как мне оставаться спокойной, – ответила Елизавета, поднимая на него большие красивые глаза, наполненные слезами, – когда меня не слушаются и даже насмеваются надо мной и моими приказами?

– Это кто же себе такое позволяет?

– Шубин, – промолвила Елизавета, – этот жалкий человечешко, которого я подобрала из самых низов и так высоко вознесла.

– Именно поэтому вспомните, – ответил Лесток, – не достаточно ли часто я предостерегал вас?

– Да.

– Ну, так в чем же дело? С такими наглецами, как господин сержант гвардии Преображенского полка, не следует обходиться мягко, а следует – коли уж непременно хочешь с ними развлекаться – охаживать плетью как собаку, которую дрессируешь ради собственного удовольствия.

– О, с каким наслаждением я бы истязала его, – воскликнула великая княжна, – но теперь уже слишком поздно, он относится ко мне безо всякого благоговения; вы только подумайте, он дует на меня за то, что давеча я уехала без него. Я велю ему передать, чтобы он явился ко мне. А он не приходит. Я приказываю ему быть готовым отвезти меня во дворец императрицы. А он отвечает, что я-де могла б и одна поехать – ведь я так замечательно правлю лошадьми.

– Да гоните вы его в шею со службы! – в сердцах закричал Лесток.

– Не могу я этого сделать, – вздохнула Елизавета, – я не в состоянии видеть его и при этом сохранять безразличие, его следовало бы вовсе выслать из Петербурга, чтобы он мне на глаза больше не попадался.

– Так и следует поступить.

– Нет, не могу, потому что я питаю большую слабость к этому человеку.

– Ну хорошо, тогда посмотрим, не сумеем ли мы приструнить этого молодца, – промолвил француз, взял шляпу и спустился вниз. Он нашел Шубина в комнате для прислуги, где тот играл в карты с кучером и камердинером.

– Запрягай, – сказал Лесток с напускным спокойствием. Никто даже не двинулся с места.

– Ты что не слышишь, соquin¹³, – уже более напористо продолжал француз. – Тебе нужно запрягать.

Кучер посмотрел на Шубина.

¹³ Кучер, возница (франц.)

Тут маленький лекарь потерял терпение, он подскочил к кучеру, схватил его за волосы и изо всей силы принялся колотить его упругой тростью, приговаривая при каждом ударе:

– Запрягай, мерзавец, запрягай!

Тогда перепуганный кучер выскочил из-за стола, и в считанные минуты сани великой княжны с двумя украинскими рысаками уже стояли перед крыльцом маленького дворца, в котором она жила, а Шубин держался в сторонке.

– Хорошо, теперь приготовься, – продолжал Лесток, обращаясь к кучеру, – ты повезешь великую княжну.

– Я? – удивленно переспросил кучер. – А я думал... – он посмотрел на Шубина.

– Ну, не этот же человек! – презрительным взглядом скользнув по сержанту, обронил Лесток. – Сегодня такие субъекты пользуются благосклонностью, а назавтра никто даже не потрудится пнуть их ногой. Шубин впал у великой княжны в немилость и возить ее больше не будет.

– Это мы еще посмотрим! – крикнул зазнавшийся фаворит, схватил поводья и сам взлетел на козлы.

Лесток улыбнулся, он достиг своей цели и возвратился с известием, что Шубин с санями готов. Обрадованная Елизавета протянула ему руку. Лесток поцеловал ее и затем галантно подал шубу, в меха которой красивая влюбленная женщина вскользнула с грациозной гибкостью. Когда она устроилась в санях, Шубин размашисто щелкнул длинным кнутом, не преминув при этом задеть по спине маленького француза. Лихие кони неистово рванули с места, а вскипевший от ярости французик крикнул вслед дерзкому выскочке:

– Ты у меня, подлец, еще за это поплатишься!

Прибыв к императрице, великая княжна застала ее уже в окружении всего двора, все присутствующие, – закутанные, как ни странно, в шубы, – были готовы в любой момент поспешить к распахнутым окнам и на балконы, поскольку ожидалось одно из тех сумасбродных зрелищ, какие изобретательная жестокость Бирона любила время от времени устраивать для увеселения своей коронованной рабыни.

Царица Анна, крупная, дородная дама с заурядными, но добродушными чертами лица, накинув на ноги роскошную шкуру, восседала в кресле-качалке и зябко куталась в большую шубу из красного бархата, отделанную горностаевым мехом. Царевна Елизавета поспешила к ней и, точно пользующийся особым предпочтением ребенок, опустилась перед ней на колени, целуя ей руки, а в это время губы измученной подагрическими болями царицы нежно коснулись ее красивого лба.

– Славно, что ты пришла, Лиза, – промолвила она на тягучем курмаркском наречии, – твое приветливое личико всякий раз подбадривает меня, и мне всегда хочется, чтобы ты была рядом. А как хорошо ты сегодня выглядишь, милая, меха, которые всех нас делают такими неуклюжими, тебе очень к лицу, тебе они придают пышность и даже величие. Ах! Кабы я была еще такой молодой!

– Ну, а вы как себя чувствуете? – спросила Елизавета, продолжая стоять перед ней на коленях. – Надеюсь, лучше?

– Получше, но все же нехорошо. Ох, эта ужасная подагра! – вздохнула царица. – Ты вот, Лизонька, такая здоровая, я могла бы тебе завидовать, кабы так не любила тебя.

Императрица Анна и в самом деле относилась к молодой и красивой цесаревне благосклонно. Этому в немалой степени способствовало образование Елизаветы. Ведь Анна, подобно матери Елизаветы, Екатерине I¹⁴, долгое время не умела ни читать, ни писать, и

¹⁴ Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская) (1684–1727) – вторая жена Петра I и мать Елизаветы, российская императрица с 1725 г. Возведена на престол гвардией во главе с А. Д. Меншиковым, который стал фактически на этот период правителем государства. При ней был создан Верховный тайный совет.

лишь в зрелом возрасте была научена Остерманом, которого только за это так высоко и ценила, читать и выводить свое имя.

На то, какую важность она придавала образованию, указывает один из ее рескриптов от тысяча семьсот тридцать седьмого года, под угрозой наказания предписывавший всем молодым дворянам научиться читать, писать, считать и танцевать.

Познания же Елизаветы намного превосходили этот школярский уровень: она прекрасно танцевала, читала, писала и бегло говорила по-русски, по-немецки и даже немного по-французски, кроме того, неплохо разбиралась в географии и истории, но, прежде всего, превосходно играла на клавесине и обладала дивным, поставленным по лучшей итальянской методе певческим голосом.

Когда очаровательная молодая женщина, унаследовавшая живой характер от своей матери, сидя у Анны в ногах, читала ей вслух или, аккомпанируя себе на клавесине, пела ей чудесные песни, императрица была беспрельдно счастлива, а поскольку она оставалась бездетной, Елизавета не сомневалась, что облюбвана ею на роль наследницы короны.

Тем сильнее было ее разочарование, когда императрица, нежно глядя ее, продолжала:

– Ты, Лизонька, вообще очень счастливый человек, тебе неведомы муки правления и, слава Богу, ты их никогда не узнаешь, вся твоя жизнь может быть посвящена удовольствиям и... любви, – едва слышно закончила она.

– А я бы с большим желанием посвятила себя отечеству и моему народу, – быстро промолвила Елизавета, – мои дни проходят однообразно и лишены смысла, точно дни какой-нибудь обыкновенной купчихи, растрчиваемые только на то, чтобы придумывать наряды; какое чувство может сравниться с тем, когда правишь огромной державой, когда в твоих руках сосредоточено счастье миллионов подданных, когда ты можешь совершать деяния, которые обессмертят твое имя.

– Все это красивые фантазии, которые у тебя быстро развеялись бы, – вздохнула царица. – Мы, бедные женщины, не созданы для того, чтобы властвовать, мужчины умеют подчинить нас, носим ли мы крестьянский сарафан или горностаевую мантию властительницы.

– Напротив, – возразила Елизавета, – если бы я обладала верховной властью, то скипетр стал бы в моих руках волшебным жезлом, который исполнял бы мое любое, даже самое сумасбродное, желание, что же касается мужчин, то каждого из них я превратила бы в своего раба.

– Как Шубина, например, – едва слышно отозвалась царица. Елизавета густо покраснела и промолчала.

– Поверь мне, – продолжала императрица, – если тебе и хочется носить горностаевую мантию, то лишь потому, что это украшение еще больше подчеркнуло бы твою властную красоту. Сейчас ты беззаботна и весела, а тогда узнаешь, что такое бессонные ночи, когда из ночной тьмы нам являются призраки и обвиняют нас. – Императрицу передернуло от нахлынувших видений. – С меня хватит. Хотя вины за собой я не чувствую, но кровь, проливаемая Бироном, вопиет против меня...

Звуки оглушительной музыки вовремя отвлекли несчастную женщину от ее кошмарных снов.

– Свадебный поезд идет, – воскликнула великая княжна, точно шаловливый ребенок, вскочила на ноги и выбежала на балкон. Императрица, с трудом и неохотно двигавшаяся из-за подагры, была тоже медленно вывезена на свежий воздух двумя камергерами, этими родовитыми слугами монархини, некоторые придворные обступили обеих царственных женщин, другие торопливо устремились к окнам.

– Впервые выходит так, что я соглашаюсь с Бироном, – сказала царица, – за преступление, какое совершил этот князь Голицын, следовало бы, на мой взгляд, покарать даже еще суровее.

– Что же такого он натворил? – полубопытствовала Елизавета Петровна.

– За границей он перешел в лоно римской церкви¹⁵, – ответила Анна с выражением крайнего негодования, – по закону я должна была бы наказать его публичной поркой или отправить в Сибирь, но Бирон, который, как тебе известно, просто неутомим на всякие выдумки...

Елизавете вспомнилась сцена минувшей ночью, и холодок пробежал у нее по спине.

– Бирон, – между тем продолжала Анна, – придумал ему исключительно забавное наказание, чтобы одним махом поставить на место всю эту старорусскую знать, которая настроена к нам так враждебно. Этот спесивец, князь Голицын, должен жениться на простой прачке. Ну разве это не достойная расплата? На эту свадьбу каждая народность нашей державы должна была представить по нескольку пар своих представителей, которые за наш счет справили себе новые национальные костюмы, а после шествия, праздничного застолья и бала, Голицын должен провести первую брачную ночь со своей прачкой в ледяном дворце.

– Да ведь они ж там замерзнут! – испуганно сказала Елизавета.

– Ах! Им будут предоставлены одеяла, подушки и меха, – возразила царица, – великолепная шутка! Но, впрочем, вот и они.

Оркестр странствующих музыкантов возглавлял процессию.

Новобрачные, – князь, еще красивый мужчина лет сорока, и миловидная девушка из народа в дорогих мехах, в которые она была наряжена по указанию императрицы, так что теперь никто не распознал бы в ней прачку, – следовали за музыкантами на спине слона. Далее шли пары в национальных костюмах (всего триста человек всех народностей) необъятной России. Здесь были и малороссы в высоких шапках из черного каракуля, и башкиры в кумачовых тужурках, за молдаванами, в длиннополых, обшитых мехом кафтанах очень походившими на турок, следовали болгары, арнауты, бухарцы, татары, калмыки, киргизы, самоеды, греки, уральские и причерноморские казаки, венгры, армяне, ненцы, цыгане, чуваша, ногайцы, туркмены и остяки. Некоторые двигались верхом на верблюдах, тунгусы – на северных оленях, камчадалы сидели в нартах, которые тащили собаки, тогда как другие запрягли в свои сани баранов, волов и даже свиней.

По главной улице Петербурга они проследовали до бироновской школы верховой езды, где за счет царицы им было предложено угощение: каждой народности приготовили ее любимые кушанья. Затем состоялся бал, на котором каждая из экзотических пар исполнила свои лучшие национальные танцы. Все это пестрое смешение физиономий, фигур, национальных нарядов и обычаев казалось ожившей сказкой, зрелищем, какое может предложить зрителю только одна мировая империя, только Россия.

Под занавес новобрачных препроводили в ледяной дворец и выставили перед ним караул, чтобы те не смогли покинуть его до утра.

Когда великая княжна, утомленная обилием пестрых сцен этого оригинального праздника, собралась домой, Шубина нигде не оказалось. Она тщетно расспрашивала о нем, но никто его не видел. Один из кучеров императрицы отвез Елизавету во дворец. На следую-

¹⁵ Голицыны были весьма разветвленным родом. Здесь речь идет о князе Михаиле Алексеевиче Голицыне, который, женившись на итальянке, сам принял католичество. Впоследствии брак с ней был расторгнут. Этот Голицын имел при дворе прозвище Квасник (императрица Анна однажды облила его квасом) и играл там роль шута. Есть предположения, что сама императрица и придумала эту потешную свадьбу. В роли невесты на самом деле выступала калмычка Авдотья Ивановна Буженинова (названная так по любимому блюду императрицы). Описание этой свадьбы автор мог почерпнуть из «Записок Манштейна о России. 1727–1744», напечатанных в приложении к журналу «Русская старина», СПб., 1875 г.

щее утро царевна первым делом спросила о Шубине. Но он со вчерашнего вечера так и не появлялся.

Великая княжна разослала своих людей на поиски исчезнувшего возлюбленного, искали в казармах, в трактирах, на променаде и у ледяного дворца. Поиски результатов не дали – его нигде не было. Когда же он не объявился и на следующий день, Елизавета обратилась к полиции. Не помогла и полиция, Шубин исчез бесследно.

Безутешная княжна однажды вечером навестила царицу.

– Что с тобой, мое милое дитя? – спросила та озабоченно. – Ты выглядишь совершенно убитой.

– Куда-то пропал мой казначей, – вздохнула Елизавета.

– А, тот смазливый гренадер, как-то бишь его звали?

– Шубин.

– Ну да, Шубин, – сказала Анна, – я полагаю, ты должна только радоваться, что избавилась от него.

– Да, когда бы только была спокойна за его судьбу, – ответила княжна, – а то вдруг его где-то убили.

– Успокойся, – улыбнулась царица, – он жив-здоров и чувствует себя замечательно.

– Где?.. Где он теперь?

– В данный момент Шубин находится уже довольно далеко по дороге в Сибирь.

– В Сибирь? О Господи! Что же такого он натворил? – всплеснула руками Елизавета.

– Он был груб с тобой, дитя мое, разве этого недостаточно?

– Но я же все-таки любила его, – вздохнула Елизавета.

– Ах! Давай не очень сокрушаться по этому поводу, – утешила ее царица, – на белом свете еще осталось достаточно гренадеров.

– Но ни одного, столь желанного, – пролепетала со слезами Елизавета.

3

Самая красивая женщина России

В первый день, после известия о ссылке Шубина, Елизавета заперлась в будуаре и горько плакала; на второй она сердито металась по комнате, по-прежнему не впуская к себе никого, даже Лестока, обычно имевшего доступ к ней в любой час; на третий день ее начала одолевать скука, и она несколько раз принималась одеваться, чтобы затем в ярости снова срывать с себя дорогие наряды. Наутро четвертого дня она, наконец, впервые улыбнулась своей камеристке, потом велела оседлать лошадь и со всей тщательностью профессиональной кокетки, которая вознамерилась кого-то очаровать, занялась туалетом. Когда она сидела на лошади в платье для верховой езды из бархата цвета анютиных глазок, поверх которого был надет плотно облегающий ее тонкую талию жакет из такого же материала, щедро подбитый и опушенный горностаем, в казацкой шапке поверх белого парика, то всякий, кто ее видел, не мог не признать правоту народной молвы, считавшей ее самой красивой женщиной России. Она это знала, очень этой славой гордилась и относилась к ней крайне ревностно. С сияющими глазами, требующими от каждого обожания, она стрелой вылетела из дворцовых ворот, сопровождаемая только одним из своих верховых казаков.

Она гарцевала по центральным улицам столичного города, с уважением и симпатией приветствуемая повсюду как знатно, так и самым низким людом и простыми солдатами; иногда ее красивые глаза то там, то здесь задерживались на фигуре какого-нибудь привлекательного мужчины, сословное положение и платье которого не имели для нее абсолютно никакого значения, – молодой, ладно сложенный торговец домашней птицей или продавец ликеров находили в ее душе большую заинтересованность, чем уродливый князь. Достигнув невского берега, она пришпорила лошадь и до тех пор подгоняла ее хлыстом, пока та не понеслась во весь опор вдоль набережной, высекая подковами снопы искр; но тут на всем скаку внезапно лопнула подпруга, и Елизавета соскользнула вниз, под брюхо взмыленного животного, рискуя погибнуть под его копытами.

Прежде чем отважная женщина, однако, успела осознать всю опасность создавшейся ситуации, красивый элегантный мужчина, ехавший верхом ей навстречу, схватил ее лошадь за узду, заставил остановиться и, быстро спешившись, освободил Елизавету из ее двусмысленного положения. Когда он поднимал ее, она на мгновение приникла к его груди, и сердце ее учащенно забилося. Как ни странно, но царица мгновенно забыла о случившемся, о страшной опасности, которой она подверглась, – первый взгляд ее больших красивых глаз предназначался ее спасителю.

Елизавета узнала в нем графа Лёвенвольде¹⁶, обер-гофмаршала императрицы Анны, мужчину, на которого она до сих пор едва ли обращала внимание.

В голове у нее молнией пронеслась мысль, что когда-то он был удачливым любовником ее матери, Екатерины I, и сейчас, когда ее голова покоилась на плече спасителя, и она боязливо, но с любопытством смотрела на него снизу вверх, ей вдруг он показался столь же красивым, сколь благородным и интересным. Пока Елизавета смущенно лепетала слова благодарности, очаровавший ее мужчина стоял перед ней со снятой шапкой в руке и объяснял, как беспредельно он счастлив сослужить службу дочери незабвенной Екатерины. Граф тут же предложил свою лошадь, которую она приняла с любезной улыбкой. Ни секунды не колеблясь, кокетка оперла ногу о галантно подставленную им ладонь, и с его помощью вспорхнула в седло.

¹⁶ Граф Лёвенвольде Рейнгольд Густав (1693–1758) – камергер Екатерины I и ее фаворит.

– А как же вы, граф? – быстро спросила она. – Теперь вам придется добираться пешком. Впрочем нет, так дело не пойдет. Возьмите лошадь моего казака и проводите меня.

Лёвенвольде отвесил поклон и послушно воспользовался предложением. Пока казак, ведя под уздцы лошадь хозяйки, медленно возвращался во дворец великой княжны, маршал с Елизаветой поехали по набережной вдоль здания Адмиралтейства. Теперь великая княжна сидела в седле по-мужски и в этой позе, многих других делавшей прямо-таки смешными, казалась вдвойне привлекательной. Она пустила лошадь шагом, по-видимому, чтобы иметь возможность подольше непринужденно поболтать с Лёвенвольде. Когда они наконец добрались до дворца, Елизавета, протягивая ему на прощание руку, сказала:

– Отныне я хотела бы чаще видеть вас у себя, граф, надеюсь, вы меня правильно понимаете, я не приму никаких оправданий. Государственные дела и двор теперь должны будут иногда отступать на второй план, если речь пойдет о том, чтобы исполнить волю дамы, – при этом она, конечно, имела в виду себя, самую красивую женщину России.

– Ваше желание для меня непререкаемый приказ, ваше императорское высочество, – ответил граф, взял маленькую руку принцессы и собрался было поднести ее к губам.

– Нет, погодите, – воскликнула Елизавета с присущей ей обворожительной непосредственностью, проворно отнимая ее. Затем она стянула тонкую желтую перчатку с манжетой и только после этого протянула ему красивую нежную руку. – Вот так, теперь целуйте.

Восхищенный любезностью царственной красавицы, Лёвенвольде несколько раз с пылом поцеловал ей руку, глубоко поклонился, вскочил на лошадь и был таков.

Она долго смотрела ему вслед и, когда он уже сворачивал за угол, помахала ему носовым платком.

Затем, перекинув через руку длинный шлейф амазонки, она взбежала по лестнице и напрямик направилась в комнату своей близкой подруги, придворной дамы госпожи Куряковой.

– Ах, Катенька, – вбегая воскликнула она с порога, – я так счастлива, передать тебе не могу, как я счастлива!

Госпожа Курякова, от неожиданности не находя слов, молча смотрела на великую княжну.

– Ты удивлена?

– Признаться, да.

– Ты себе представить не можешь, как мне хочется сегодня смеяться, а ведь еще вчера я капризничала, позавчера лила горькие слезы и вообще была самой несчастной на свете, – продолжала Елизавета. – Но все вдруг в один миг переменялось, я благодарна императрице, что она отправила Шубина в Сибирь, а также Лестоку, который, я уверена, подговорил ее на это. Я, Катенька, познакомилась с таким мужчиной, по сравнению с которым Шубин просто неотесанный чурбан, и не с гренадером каким-нибудь, нет, а с аристократом в духе Людовика Четырнадцатого, впрочем, я его, собственно говоря, знала уже давно, но сегодня я впервые по-настоящему его разглядела, поговорила с ним и безумно в него влюбилась.

– И кто же этот счастливчик?

– Граф Лёвенвольде.

– И он точно так же любит тебя?

– Я полагаю, это само собой разумеется, – молвила Елизавета, с неописуемым удовольствием разглядывая себя в большое стенное зеркало. – Ну, разве я не принцесса? Разве не называют меня самой красивой женщиной России?

– О! Вы восхитительны, ваше высочество, – ответила близкая подруга, – но из этого еще не следует...

– Ты, Катенька, не волнуйся, – засмеялась Елизавета, – не пройдет и недели, как этот Лёвенвольде будет лежать у моих ног, точно герой-любовник из какой-нибудь французской

пасторали; я его изрядно помучаю, я буду с ним безжалостна, чтобы потом мы с еще большим блаженством насладились нашей любовью. О, сейчас у меня снова проснулся аппетит, сейчас я снова начну петь, как весенняя птица, и буду одеваться, как богиня.

– Ну, богини, положим, совсем не одеты, – улыбнулась госпожа Курякина.

– Это мы тоже сможем однажды испробовать, – воскликнула Елизавета. – Когда, посмотрев прекрасные полотна Тициана¹⁷ и Веронезе¹⁸ в императорском дворце, я вижу потом наших дам в широченных юбках на обручах из китового уса или стальных полос, то всегда не могу удержаться от смеха. Из нашего двора вышел бы жалкий Олимп, во главе с царицей в роли ревливой Юноны¹⁹.

– Но вы-то можете каждый день без всякого опасения являться перед царевичем Парисом²⁰ в образе богини любви, – сказала близкая подруга, восторженным взглядом окидывая роскошные формы великой княжны.

– И все это теперь принадлежит этому гадкому человеку, – вздохнула Елизавета, – вероятно, любившему уже сотню других женщин, которые, все вместе взятые, недостойны были бы получить не то что яблоко, но даже зернышко от него. Но ему предстоит узнать меня. Впервые в жизни я хочу быть жестокой.

С беспокойством и трепетом молодой влюбленной ждала галантная великая княжна визита Лёвенвольде, четыре дня прошли для нее в томительном нетерпении и нарастающем волнении, когда он, наконец, пожаловал. Но безуспешно пыталась она соблазнить его утонченным искусством своего туалета, столь же мало трогали его ее кокетливо-томные взгляды, и даже прикосновения ее маленькой белой руки, казалось, нисколько не взволновали его – он неизменно сохранял дипломатическую сдержанность, учтивость и исключительную почтительность, а она тем охотнее приняла бы подобное поведение, если бы он уделил ей хотя бы чуточку больше внимания как женщине. После его отъезда, она сказала близкой подруге:

– Как же все-таки грустно быть цесаревной. Каждый, кто приближается к нам, от благоговения теряет дар речи, он не осмеливается задеть даже краешка наших одежд, не говоря уже о том, чтобы дотронуться до кончиков наших пальцев. Этому Лёвенвольде, похоже, нынче оставила вся его храбрость, он разговаривал со мной так, будто речь шла о государственном договоре, а ведь я его так вдохновляла!

Минула неделя, а граф так больше и не появлялся. Этот срок показался бы слишком долгим для каждой влюбленной женщины, а уж тем более для столь горячей и деспотичной дочери Петра Великого, привыкшей видеть, чтобы любое ее желание невзирая ни на что исполнялось. И она приняла решение одним смелым ударом разрубить затянувшийся узел.

Письмецо госпожи Куряковой приглашало Лёвенвольде навестить ее еще до конца текущего дня. Когда граф прибыл во дворец, близкая подруга принцессы приняла его в своем маленьком уютном будуаре, тогда как сама великая княжна, укрывшись в примыкавшей к нему спальне придворной дамы, тайком следила за разговором Куряковой с гостем.

– Простите, ради бога, господин граф, – начала эта мастерица любовной дипломатии, – что я отнимаю ваше драгоценное время, но должна вам признаться, что я умерла бы от любо-

¹⁷ Тициан (ок. 1488–1576) – итальянский живописец, глава венецианской школы. Из его картин на античные сюжеты в Эрмитаже нынче хранится «Даная».

¹⁸ Веронезе Паоло (1528–1588) – итальянский живописец, представитель венецианской школы. Здесь может иметься в виду хранящаяся нынче в Эрмитаже его «Диана».

¹⁹ Юнона – в римской мифологии царица богов, жена Юпитера, покровительница браков и рождений.

²⁰ Парис – прекрасный сын троянского царя Приама и Гекубы. Парис выступил судьей в споре богинь Геры, Афродиты и Афины о красоте каждой из них в пользу Афродиты и в качестве приза вручил ей яблоко. Сказание о суде Париса послужило сюжетом для многочисленных произведений искусства. В Эрмитаже хранится картина Антона Рафаэля Менгса (1728–1779) «Суд Париса».

пытства, если бы в ближайшее время не нашла удобного случая познакомиться с человеком, которым сейчас так беззаветно увлечена моя госпожа.

– Сударыня, вам великая княжна обо мне рассказала? – спросил Лёвенвольде, очевидно, неприятно задетый намеком придворной дамы.

– Разумеется, – ответила госпожа Курякова, на полных парусах устремляясь к назначенной гавани, – она только о вас почти и говорит. О, она очень к вам расположена...

– Доброта великой княжны общеизвестна, – отозвался Лёвенвольде.

– О! Это больше, чем доброта, – продолжала свое придворная дама. – Вам можно позавидовать, ибо прекрасная цесаревна, дочь Петра Великого, во сне и наяву грезит только вами.

– Вы, надо полагать, шутите...

– Бог с вами, как я посмела бы, – быстро ответила подруга, которую создавшаяся ситуация начинала заметно тяготить, – чувствительность Елизаветы не уступает ее красоте...

– Великая княжна и в самом деле очень красивая женщина, – подтвердил Лёвенвольде.

Придворная дама облегченно вздохнула, а занавес на дверях, резко было зашелестевший, теперь тоже успокоился.

– Она, бесспорно, самая красивая женщина в России, – заявила госпожа Курякова.

Лёвенвольде пожал плечами и улыбнулся.

– Вы не разделяете мое мнение? – почти возмущенно воскликнула подруга. – Может, вы знаете кого-то еще красивее?

– Конечно, знаю.

Елизавета была готова выскочить из укрытия, но сдержала себя и ограничилась тем, что изорвала в клочья свой носовой платок.

– Вот как! Мне было бы крайне любопытно узнать, кто же она, – пробормотала придворная дама.

– Это госпожа Лапухина, – в ответ пояснил граф.

– А-а, припоминаю, припоминаю, – молвила придворная дама. – Жена камергера Лапухина. Она живет очень уединенно. Мне доводилось слышать похвалы в адрес ее исключительной красоты, но собственными глазами видеть мне ее не случалось. И вы любите эту женщину?

Лёвенвольде снова улыбнулся, и на этой улыбке встреча с глазу на глаз закончилась. Когда он покинул будуар, туда ворвалась пылающая гневом Елизавета и принялась мерить комнату большими шагами. Она долго не могла найти слов, совершенно потеряв самообладание из-за того, что ее унизил мужчина, к которому она намеревалась приблизиться подобно олимпийской богине, из рога изобилия щедро изливающей на него счастье. Злополучный Лёвенвольде без всякой задней мысли, даже не подозревая этого, глубоко ранил душу этой доброй по природе, но сладострастной и деспотичной женщины, нанес рану именно туда, где она была наиболее уязвима, где о прощении и забвении уже не могло быть и речи, – он уязвил ее безграничное тщеславие и ее женское самомнение.

Стало быть, в России есть женщина, которая могла оспорить у нее мужчину, любимого ею, и, что в ее глазах выглядело еще кошунственнее, которая могла оспаривать у нее звание первой красавицы.

Она обязана была познакомиться с этой женщиной. Такой была ее первая мысль, а вторая была – месть. Вечером того же дня она отправилась к императрице и пустила в ход все свои чары, чтобы пленить слабовольную женщину: она пела для нее самые лучшие свои арии и развлекала ее всяческими дурачествами; напоследок она как обычно уселась у ног царицы и принялась рассказывать ей разные пикантные истории из придворной жизни.

Вдруг она схватила обе руки монархини, осыпала их поцелуями и воскликнула:

– Когда-нибудь ты должна исполнить и мою просьбу. Ты всех осыпаешь своими милостями, и только я всегда остаюсь ни с чем.

- Ну и чего же тебе хочется? – спросила Анна, поглаживая ее.
- Только пообещай сначала, – засмеялась принцесса, – тогда я тебе скажу.
- Ага! Ты хочешь получить обратно своего гренадера!
- Нет, нет!
- Ну, так и быть, я обещаю тебе исполнить твоё желание, каким бы сумасбродным и несправедливым оно ни оказалось, – согласилась царица.
- Бирон собирается устроить для нас в ледяном дворце грандиозное празднество, – начала Елизавета.
- Да, действительно собирается.
- Так вот, я хочу, чтобы на этом празднестве непременно появилась госпожа Лапухина, которая, точно римская весталка, сторонится двора и вообще всех увеселений.
- Такое едва ли выполнимо, – сказала в ответ Анна. – Эта Лапухина живет только для Лёвенвольде, который, говорят, молится на нее как на святыню, а для всего остального мира она, похоже, совсем умерла.
- Я думаю, она сразу оживет, как только ты ей прикажешь.
- Полагаешь?
- Ты мне дала слово.

На грандиозное карнавальное торжество в ледяном дворце действительно собрался весь двор и вся столичная аристократия. Чтобы гости не замерзли, герцог пригласил их явиться туда в старинных московских нарядах, которые дали теперь мужчинам и женщинам удобный случай блеснуть всем великолепием драгоценностей и роскошной пушнины. Императрица в зеленом бархате с горностаем предстала рядом с Бироном, одетым в те же цвета, великая княжна была в гладком багряном бархате, дополненном мехом голубой лисы. В кавалеры ей герцогом был выбран камергер граф Шувалов²¹, самый красивый мужчина при дворе Анны.

Госпожа Лапухина, принадлежавшая к недовольной и всеми кровавыми средствами тирании преследуемой старорусской партии, до сих пор избегала царицы и ее двора. С тем большим удивлением и даже испугом восприняла она повеление императрицы, приглашавшей ее на устраиваемый праздник. Чутье подсказывало ей, что все это неспроста и не сулит ничего хорошего. Она посоветовалась с Лёвенвольде, но этот умный, равно как и верный друг в данном случае не мог сказать ей ничего иного, кроме того, что она и без него прекрасно знала. И она вынуждена была подчиниться.

С тревожно бьющимся сердцем появилась она на балу под руку с обер-гофмаршалом, оба скромно одетые в черный, отороченный темным соболем бархат. Однако этот почти мрачный туалет лишь еще больше подчеркнул ее привлекательность в окружении всеобщего блеска бриллиантов, рубинов и изумрудов, ослепительного горностаа и пламенеющего яркими красками бархата, и стоило ей переступить порог, как все взоры тотчас же обратились к ней. Госпожа Лапухина была действительно сказочно красива, гораздо красивее великой княжны Елизаветы. В то время как последняя ослепляла и опьяняла скорее своей свежестъю и величественной пышностью, во внешнем облике Лапухиной тонкое грациозное сладострастие сочеталось с самой благородной духовной возвышенностью. Когда ее представляли царевне, та сама почувствовала, в какую глубокую тень отодвигается она своей соперницей, и не смогла выдать из себя ничего, кроме нескольких чопорных слов, адресованных госпоже Лапухиной, к которой в ее сердце тут же вспыхнула дикая ненависть. Кроме

²¹ Шувалов Иван Иванович (1727–1797) – граф, русский государственный деятель, фаворит Елизаветы Петровны, генерал-адъютант, двоюродный брат А. И. (1710–1741) и П. И. (1711–1762) Шуваловых. Покровительствовал просвещению; первый куратор Московского университета, президент Академии художеств.

того, заносчивая горделивая женщина вынуждена была наблюдать, как мужчина, которого она по-своему страстно любила, ни на шаг не отходил от ненавистой ей особы, как этот мужчина одной только ей уделял самое нежное внимание, тогда как ее, дочь Петра Великого, он едва удостоил взгляда.

Это переполнило чашу.

Когда Лёвенвольде танцевал с возлюбленной полонез, по залу вдруг пронеслось, что великая княжна почувствовала недомогание и покинула бал.

Только сейчас граф начал смутно догадываться, что он натворил, однако оставаясь слепым к прелестям царевны, он ни на мгновение не раскаивался в том, что не позволил превратить себя в раба ее прихотей.

В то время как дельфины и белый слон перед ледяным дворцом наперегонки извергали пламя, треск фейерверков на гладком зеркале Невы перемешивался с бурными звуками четырех музыкальных хоров, заряженные порохом ледяные пушки ко всеобщему изумлению давали салют, а ледяные мортиры взметали высоко в зимнее небо снаряды из пакли. Елизавета без сна ворочалась на своей по-азиатски пышной постели и вынашивала планы – как известить мужчину, который ее унизил, и как погубить женщину, которая совершила государственное преступление, оказавшись красивее ее.

4

Прирученный медведь

Был уже полдень, когда граф Иван Шувалов постучал в дверь своей жены. Довольно долго усилия его оставались тщетными, хотя в этот час даже самые изнеженные любительницы поспать обычно бывают уже одеты. Однако, когда жена наконец впустила его, он застал ее в совершеннейшем неглиже или, если быть до конца точным, в совершеннейшем полунеглиже.

– Да чем же это ты тут занимаешься? – начал он возмущенно.

– Зеваю и отдыхаю, – ответила его очаровательная супруга, с неопишуемой вальяжностью снова удобно вытягиваясь на настоящей турецкой оттоманке с мягкими подушками.

– Отдыхаешь от хлопот, которые, вроде балов, катания на санях и оперы, являются твоей жизненной стихией, – молвил граф, усаживаясь в кресло рядом с молодой супругой, – что же тогда говорить о нас, мужчинах, которые кроме своего туалета и ваших развлечений должны заботиться еще и о государстве.

– Если вы заботитесь о государстве не лучше, чем о наших развлечениях, – возразила графиня, – то мне очень жаль бедное государство.

– Ты, как маленькая обезьяна, никогда не упустишь случая злобно куснуть, – воскликнул Шувалов, – и все-таки ты – моя милая и симпатичная обезьянка, не правда ли?

Он обнял жену за голову и крепко поцеловал в свежие губы, меж тем как ее большие темные глаза смотрели на него с плутоватой улыбкой. Так балагурия друг с другом, они, бесспорно, выглядели самой милой парой, какую только можно себе представить. Граф Иван – высокий, хорошо сложенный мужчина с греческими благородными чертами лица, голубыми глазами и белокурыми волосами; графиня Лидвина – миниатюрная, но, при всем изяществе, обладавшая пышной округлостью форм женщина, лицо которой украшал дерзкий курносый носик над маленьким алым ртом и лучистые косульки глаза с легкой монгольской раскосинкой, что придавало их выражению оттенок своенравной пикантности, и от природы одаренная настоящим водопадом черных как смоль волос, в волны которых она, точно в темный мех, могла кутать члены своего точеного тела.

– Ты по-прежнему остался мне верен?

– Со вчерашнего праздника? Разумеется, – улыбнулся Шувалов, – но, быть может, в мечтах я...

– Не шути, – воскликнула графиня, – я тебя знаю, ты этим убьешь меня; нет, серьезно, я удивляюсь, как не сошла сума, когда увидела тебя вчера беседующим с великой княжной. Спору нет, она очень красива, настоящая Венера, а я всего лишь маленькая безобразная обезьяна.

– Ну, как такое могло прийти тебе в голову, – с шутливой укоризной воскликнул Шувалов, привлекая ее к себе на колени. – Есть обезьянки, которые милее всего, они гораздо привлекательнее мертвых каменных богинь с белыми глазами. Однако позволь сказать тебе несколько слов серьезно. До сих пор я был тебе беспримерно верен...

– Поклянись!

– Ты ведь знаешь, что я никогда не клянусь...

– Потому что твоя клятва всегда была бы лживой.

– Итак, до сего дня я был тебе верен, до смешного верен, – продолжал Шувалов, – но со вчерашнего вечера я испытываю неодолимое стремление...

– Стать мне неверным!? – с возмущением закончила его фразу Лидвина.

– Да.

– Я прикончу тебя.

– Вот как раз этого-то я попросил бы тебя не делать!

– А эта несчастная, можно узнать, кто она? – спросила графиня Лидвина с едва сдерживаемой яростью.

– Разумеется, потому что не любовь толкает меня на то, чтобы упасть к ее ногам, а... политика.

– Итак, кто же это? Императрица?

– Ну как такое могло прийти тебе в голову.

Возникла короткая пауза.

– Со вчерашнего дня я принял решение поухаживать за великой княжной Елизаветой Петровной, – произнес наконец граф.

– И ты, подлый, хочешь уверить меня в том, что в объятия самой красивой женщины России тебя бросает политика? – вскричала миниатюрная женщина и зарылась лицом в подушки, как казалось, чтобы скрыть слезы.

– Но ты только представь себе, Лидвина, какую выгоду мы извлечем, если я стану официальным фаворитом Елизаветы, а она взойдет на престол.

– Ты отлично знаешь, что она никогда на него не взойдет.

– Почему же нет? Если мы ей в этом поможем...

– Ты мог бы пойти на такое? – не веря своим ушам воскликнула ошеломленная графиня.

– Вот видишь, – продолжал Шувалов, – сейчас я у тебя в руках, и если тебе вздумается отомстить мне, ты выдашь меня Бирону.

– С этим я пока торопиться не буду, – быстро ответила графиня Лидвина, – однако я точно так же позволю кому-нибудь ухаживать за собой.

Шувалов остолбенело воззрился на нее.

– Да, да! – воскликнула она. – И, пожалуйста, не смотри на меня такими глазами, ты еще не знаешь, на что в приступе ревности способна женщина.

– Я, однако, тебе запрещаю...

Лидвина начала громко и от всего сердца смеяться и не умолкала до тех пор, пока возмущенный супруг в негодовании не покинул спальню, изо всей силы хлопнув за собой дверь. Продолжая смеяться, она заперла ее за ним на ключ, а затем отворила другую, ведущую в гардероб. Оттуда вышел молодой симпатичный мужчина и порывисто заключил ее в свои объятия. Это был Воронцов, камергер великой княжны Елизаветы.

– Разве я не хорошо сыграла роль ревнивой жены? – весело спросила графиня Лидвина.

– Даже слишком хорошо, – ответил Воронцов, – ты чересчур ласкова со своим мужем.

Графиня снова залилась озорным смехом.

– Похоже, мне удалось заставить и тебя ревновать, а это уже дорогого стоит. Двух таких больших симпатичных мух, как Шувалов и ты, прихлопнуть одним ударом.

– Ну, а теперь поговорим серьезно, – сказал камергер графине, уже кокетливо покачивающейся у него на коленях. – Идея Шувалова приволокнуться за царевной просто великолепна.

– Потому что расчищает тебе дорогу...

– Нет, потому что при том благорасположении, каким он пользуется у русской партии, да при его осторожности и отваге, он оказывается именно тем человеком, который проторит Елизавете путь к трону, отчего мы все только бы выиграли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.